

<https://www.liveinternet.ru/users/3394720/post109932485/>

THE WALL STREET JOURNAL
ONLINE

09 Сентября 2009

Дэвид Мермелштайн (David Mermelstein)

THE WALL STREET JOURNAL
ONLINE

ЧТОБЫ ПЕТЬ, Я ДОЛЖЕН ЛЕТАТЬ

Дмитрий Хворостовский, седовласый сибирский баритон, чью сексапильность способен затмить лишь его терпкий, как вино, голос, не способен усидеть на месте. Месяц назад, давая интервью в перерыве между репетициями оперы Верди «Трубадур» в величественном здании оперного театра Сан-Франциско, Хворостовский рвался домой, к жене и двум маленьким детям.

Однако эта непоседливость, которая обурекает Хворостовского, когда он не работает, исчезает во время выступлений. И на сольных концертах, и в классических оперных постановках свет его индивидуальности настолько ослепителен, что не отвести глаз. На современной сцене есть и другие симпатичные баритоны – достаточно вспомнить американцев Натана Гунна, Рода Гилфри и Томаса Хэмпсона, однако ни один из них не обладает экзотическим шармом Хворостовского, не говоря о его бархатном голосе.

Сейчас Хворостовский поглощен ролью, которой он посвятил почти весь этот год: граф ди Луна, главный злодей в «Трубадуре», один из самых зловещих персонажей оперной сцены. В постановке Дэвида Маквикара, которая пойдет в Сан-Франциско с 11 сентября, ди Луна Хворостовского – воплощение холодного расчета, в отличие от традиционного карикатурного усатого злодея, который уже надоел критикам.

Певец, которому через месяц исполняется 47 лет, впервые спел эту партию в феврале в нью-йоркской «Метрополитен опера», а затем – в апреле в лондонском оперном театре «Ковент-гарден». Однако Хворостовский говорит, что роль не успела ему надоесть. Одна из причин – возможность работать с Николая Луизотти, новым дирижером оперного театра Сан-Франциско.

«Луизотти оказал огромное влияние на мое концептуальное восприятие этой роли, – говорит Хворостовский, в ожидании встречи с семьей раскачиваясь на кресле в тесном зале для пресс-конференций. – Так было с самого начала репетиций. У Николая собственный подход, свое отношение к музыке Верди, так что посмотрим, что получится. Я рассчитываю, что эта постановка для меня станет большим шагом вперед».

Вне зависимости от того, кто стоит за дирижерским пультом, певец легко отходит от привычного исполнения. «На каждом выступлении в «Метрополитен» я что-то добавлял, что-то убирал, я совершенствовался, – говорит Хворостовский. – Я всегда так делаю, особенно когда это не поощряется. Десять совершенно одинаковых выступлений подряд – это очень трудно, по крайней мере, для меня».

В последнее время Хворостовский окунулся с головой в поп-музыку в духе Андреа Бочелли: сентиментальные баллады в сопровождении синтезаторов и электрогитар.

Даже если подобные эксперименты принесут ему новых поклонников, репутация, которую Хворостовский десятилетиями культивировал, может оказаться подмоченной.

Проект под названием «Дежавю» в полную силу стартует в ноябре: певец даст шесть концертов в России и на Украине, на которых исполнит произведения на итальянском, французском и русском языках, написанные специально для него Игорем Крутым. В марте аналогичный концерт должен состояться в нью-йоркском мюзик-холле «Радиосити». «Я буду выступать в сопровождении большого симфонического оркестра и хора, – рассказывает Хворостовский. – Будут и компьютерные спецэффекты, как в цирке Cirque du Soleil».

И все же давним поклонникам этого баритона не стоит пока выбрасываться из окон. «Я не говорю, что начал уставать от оперы. Опера это прекрасно. Но я хочу чего-то нового, мне необходим подъем, нужно ставить перед собой новые задачи, Разумеется, я никогда не уйду из оперы, ведь я вырос на оперной сцене. Сделанное мной на оперных подмостках придает ценность моей жизни».

Двадцать лет назад Дмитрий Хворостовский победил в конкурсе Би-Би-Си «Певец мира» в Кардиффе. (Он обошел Брина Терфеля, обладателя баритонального баса из Уэльса, который сегодня также входит в число известных мировых исполнителей). «После этого все изменилось, – рассказывает Хворостовский. – Из Сибири я отправился путешествовать по всему миру, это такая роскошь – иметь широкий выбор». В 1994 году он поселился в Лондоне и теперь имеет двойное российско-британское гражданство.

Хворостовский рано отошел от русского репертуара, несмотря на исполнение ведущей роли в «Евгении Онегине» Чайковского. Его имя редко появляется в культовых оперных записях, которые были сделаны в 1990-х годах под руководством Валерия Гергиева, хотя оба музыканта чрезвычайно высоко ценят друг друга. «Разумеется, русская традиция – это большая часть меня, и может быть, она получается у меня лучше всего. Однако я космополит, – поясняет Хворостовский. – Некоторые говорят, что в моем голосе есть итальянские нотки».

Несомненно, Хворостовский блистал и в итальянском репертуаре. Кроме «Трубадура», он ассоциируется с заглавными ролями в «Травиате», «Риголетто», «Бале-маскараде» и «Симоне Бокканегра» Верди, а также собирается спеть не меньшие по масштабу партии в таких произведениях композитора, как «Эрнани», «Макбет» и «Отелло». Но удавалось не все, это охотно признает и сам певец.

«Семь лет назад я исполнил Дона Джованни в «Метрополитен», но эта партия не вошла в мой репертуар, – говорит он, имея в виду оперу Моцарта. – Там же я спел в «Любовном напитке» Доницетти, но довольно неудачно, поэтому больше я к нему не возвращался».

Хворостовский особенно жалеет о прерванных отношениях с дирижером Риккардо Мути, который вскоре должен возглавить Чикагский симфонический оркестр. «Сначала я ему нравился, но потом что-то произошло, и я оказался в немилости, – вспоминает Хворостовский. – Если бы я продолжал с ним работать, моя карьера сложилась бы совершенно иначе».

Певец предпочитает не анализировать свои таланты. «С самого начала во мне все

неразрывно связано. Самое главное – это равновесие. Редко встретишь такого уравновешенного человека, как я. Это на хвостовство, а чистая правда. Уравновешенность позволяет мне быть самим собой».

Хворостовский прав. Сочетание сильного голоса, богатых интонаций, продуманных образов и привлекательной внешности делают его одним из сильнейших певцов современности. Он утверждает, что не мог бы петь, если бы один из этих элементов отсутствовал. «Меня учили не издавать ни единой ноты в отрыве от целого, – говорит он. – Я и не могу спеть отдельную ноту, она должна быть частью чего-то большего. Чтобы петь, я должен летать».

Источник: "Голос России".